

Ария смерти

Поклонники обожали приму Флавию Петрелли, восхищались ее божественным голосом. Но больше всех Флавию любил некто, ставший ее ночным кошмаром. После каждого концерта тайный обожатель заваливал примерку примы букетами желтых роз. Он крал ее перчатки и другие дамские мелочи... Фанатская навязчивость переросла в манию. Нападение на молодую певицу Франческу, близкую приме, стало первым предупреждением об опасности.

Детектив Гвидо Брунетти, старый знакомый примы, решает ей помочь. Он уверен, что легко вычислит обезумевшего поклонника, так сильно жаждущего любви и внимания певицы. Поиски заставляют детектива изучить прошлое Флавии. Когда-то давно ее отказ запустил «принцип домино». Костяшки падают одна за другой, неумолимо приближаясь к последнему звену — Флавии. И если не остановить их, лепестки желтых роз покроют не сцену, а надгробье примы...

A woman in a long, flowing red dress stands in a grand, ornate hall with a domed ceiling and classical architecture. The scene is rendered in a monochromatic red and brown color palette.

ДОННА ЛЕОН

АРИЯ
СМЕРТИ

DONNA
LEON

FALLING
IN LOVE

A NOVEL

WILLIAM HEINEMANN: LONDON

ДОННА ЛЕОН

АРИЯ СМЕРТИ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2021 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

ISBN 978-617-12-8475-3 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Печатается по изданию:

Leon D. Falling in Love : A Novel / Donna Leon. — London : William Heinemann, 2015. — 272 p.

Перевод с английского *Наталии Чистюхиной*

Дизайнер обложки *Анна Савченко*

Прихильники обожнювали приму Флавію Петреллі, захоплювалися її божественним голосом. Але більше за всіх Флавію любив дехто, хто став її нічною зморою. Після кожного концерту таємний обожнювач завалював гримерку прими букетами жовтих троянд. Він викрадав її рукавички та інші дамські дрібнички... Фанатська прив'язаність переросла в манію. Напад на молоду співачку Франческу, близьку до прими, став першим попередженням про небезпеку.

Детектив Гвідо Брунетті, старий знайомий прими, вирішує їй допомогти. Він упевнений, що легко вирахує знавіснілого прихильника...

Леон Д.

Л47 Ария смерти : роман / Донна Леон ; пер. с англ. Н. Чистюхиной. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 272 с.

ISBN 978-0-434-02358-5 (англ.)

ISBN 978-617-12-8313-8

Поклонники обожали приму Флавию Петрелли, восхищались ее божественным голосом. Но больше всех Флавию любил некто, ставший ее ночным кошмаром. После каждого концерта тайный обожатель заваливал гримерку примы букетами желтых роз. Он крал ее перчатки и другие дамские мелочи... Фанатская навязчивость переросла в манию. Нападение на молодую певицу Франческу, близкую прима, стало первым предупреждением об опасности.

Детектив Гвидо Брунетти, старый знакомый примы, решает ей помочь. Он уверен, что легко вычислит обезумевшего поклонника...

УДК 821.111

© Donna Leon and Diogenes Verlag AG, Zurich, 2015

© DepositPhotos.com / abadesign; yuriyzhuravov, обложка, 2021

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2021

Посвящается Аде Пеш

Le voci di virtu`

*Non cura amante cor o pur non sente*¹.

Из оперы *Роделинда* Г. Ф. Генделя

¹ О любящее сердце! Ты гласу добродетели не внимлешь или его не слышишь (*итал.*). (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

1

Упав на колени, женщина склоняется над возлюбленным, и ее лицо, все ее тело цепенеет от ужаса, потому что на пальцах — кровь... Он лежит на спине, уронив руку на пол, и открытая ладонь будто бы просит, чтобы в нее что-то положили. Может, саму жизнь? Женщина касается его груди, умоляя встать, но время не ждет, и вот она уже тормозит его, неподвижного, словно всему виной лень, словно он лежебока, которого пушками не разбудишь...

Окровавленными пальцами женщина инстинктивно зажимает себе рот, чтобы не закричать, понимая — шуметь нельзя: никто не должен узнать, что она тут. Но страх побеждает, и вот, забыв об осторожности, она громко зовет возлюбленного по имени, снова и снова, и говорит себе, что он умер, и ропщет на судьбу...

Женщина смотрит на то место, которого только что касалась, и видит красные пятна. Ранки такие маленькие, откуда же столько крови? Она проводит чистой ладонью по окровавленным губам и пачкает ее. Теперь обе ее руки в крови, и женщина пугается еще больше, шепчет его имя... Конец, конец всему! Она опять зовет возлюбленного по имени, на этот раз громче, однако он уже не слышит ни ее, ни кого-либо еще в этом мире и не может ответить. Она наклоняется его поцеловать, потом трясет за плечи в тщетной попытке вернуть к жизни. Но нет, жизнь кончена, причем для них обоих.

Откуда-то слева доносится вопль предводителя бандитов, отнявших у нее любимого. Женщина порывисто прижимает руку к груди и не может говорить от страха, только вскрикивает, как раненый зверь. Потом оглядывается и видит их. Слышит громкие возгласы. Слышит, но смысл сказанного ускользает от нее. Внезапно женщину охватывает ужас; она боится за себя: теперь, когда он умер, что эти негодяи с ней сделают?

Женщина вскакивает на ноги и бежит прочь, не оглядываясь. Ее возлюбленный мертв, всему пришел конец. Надежды, обещанья — все напрасно...

Солдаты, четверо слева и пятеро справа, выбегают на заваленную хламом замковую крышу, где было совершено убийство. Их

предводитель что-то кричит, однако женщина уже ничего не слышит. Знает только, что надо бежать, но преследователи окружают ее. Она оглядывается и видит край крыши; других домов поблизости нет. Бежать некуда, укрыться негде.

Перед женщиной встает выбор, хотя, по сути, выбирать особо не из чего. Лучше уж смерть, чем все это — и только что случившееся, и то, что произойдет, когда ее схватят. Спотыкаясь, она бежит к низенькому парапету, с неожиданной грацией вскакивает на него, поворачивается лицом к преследователям. *O Scarpia, avanti a Dio!*² С этим криком она отворачивается от солдат и прыгает вниз...

Музыка на мгновение умолкает, а затем следует торжественный, громогласный финал. Зал довольно долго молчит — восхищенные зрители осознают, что они только что услышали и увидели. Такой *To`ски* не бывало здесь со времен Марии Каллас, то есть полстолетия. Tosca убила начальника полиции Скарпия, разве нет? А эти мерзавцы в мундирах застрелили ее возлюбленного. И Tosca прыгнула в Тибр... Божественно! Великолепная актерская игра, а голос певицы — выше всяких похвал! История вполне правдоподобная: и убийство, и эта импровизированная казнь, оказавшаяся настоящей, и финальный прыжок, когда женщина поняла, что все кончено и ей больше нечего терять. Хотя... Если задуматься — романтическая ерунда, гротеск, пародия на реальность. Но почему тогда зрители хлопают так, что рукам больно, и свистят, как заправские банши?

Чуть раздвинулся занавес, и Флавия Петрелли проскользнула в образовавшуюся узкую щель. На женщине было декольтированное платье сочного красного цвета и тиара, чудом уцелевшая после падения в реку. Флавия обвела взглядом зрителей, и ее лицо выразило удивление, а потом и радость. «Мне? Эти овации — *мне?*» Певица улыбнулась, подняла руку — она волшебным образом уже очистилась от крови или того, что использовали для ее имитации, — и прижала ее к сердцу, словно оно вот-вот выскочит из груди посреди всего этого оживления.

Потом, будто желая обнять всех присутствующих, Флавия отвела в сторону сначала одну руку, потом другую, полностью раскрываясь перед шквалом аплодисментов. Мгновение — и она снова прижала

ладони к груди, грациозно сгибаясь в глубоком поклоне. Аплодисменты стали сильнее, и зрители, мужчины и женщины, стали выкрикивать *Brava!*, а некоторые, слепцы или иностранцы, — *Bravo!*³ Флавию эта оплошность, похоже, нисколько не задевала — лишь бы крики не стихали. Еще один поклон, и она вся подалась вперед, словно купаясь в водопаде оваций.

И вот к ее ногам упала первая роза, на длинном стебле, желтая, как солнце. Флавия инстинктивно отпрянула, словно боясь повредить ее (или, наоборот, как будто от цветка исходила опасность), но потом наклонилась, чтобы поднять розу, — так медленно, что это движение показалось неестественным, нарочитым. Певица обеими руками прижала розу к груди, потом опустила глаза и ее улыбающиеся губы дрогнули. «Неужели все это — мне? Мне?» Мгновение — и ее лицо, которое она подняла, чтобы взглянуть на верхний ярус балконов, уже излучало удовольствие.

Аудитория моментально отреагировала, и на сцену стали падать розы: сначала две, потом еще три прилетели откуда-то справа; затем они посыпались дождем, и скоро у ног певицы лежали сотни цветов; она стала похожа на Жанну д'Арк, обложенную по щиколотки не хворостом, а розами.

Флавия улыбкой встретила гром аплодисментов, еще раз поклонилась, отступила от барьера из роз и скрылась за занавесом. Несколько секунд — и она снова появилась, на этот раз ведя за руку своего возлюбленного, восставшего из мертвых. Как и крики приспешников Скарпия в последнем акте, аплодисменты при появлении Каварадосси усилились, перерастая в шквал, как это часто бывает, когда на поклон выходит молодой тенор, взявший все высокие ноты, причем блестяще. Оба артиста с тревогой поглядывали под ноги, стараясь не наступать на ковер из цветов, но вскоре перестали обращать на это внимание.

Инстинктивно отвечая на изменившуюся тональность, свидетельствовавшую о том, что аплодисменты предназначены уже ее партнеру, Флавия сделала шаг назад, высоко подняла руки и стала хлопать вместе со зрителями. Когда овации начали стихать, она вернулась к тенору, взяла его за руку и, на мгновение прильнув к нему, торопливо коснулась губами его щеки — дружеский поцелуй, каким мы одариваем брата или доброжелательного коллегу. Тенор в свою

очередь схватил руку Флавии и высоко поднял ее, словно объявляя победителя соревнований.

Артист сделал шаг назад, уступая место партнерше и топча ногами все новые розы. Флавия мягко отстранилась и снова исчезла между полотнищами занавеса; тенор последовал за ней. Тут на сцену вышел воскресший Скарпия в испачканном красным парчовом камзоле и сразу же шагнул вправо, где цветов было поменьше. Он поклонился, потом еще и еще, в знак благодарности прижимая руки к груди, после чего вернулся к щели в занавесе, заглянул туда и вывел вперед Флавию и молодого тенора, которые по-прежнему держались за руки. Скарпия повел этот хоровод внезапно воскресших персонажей направо, прямо по цветам. Флавия то и дело задевала их краем платья, и розы разлетались в стороны. Вскинув над головами соединенные руки, певцы синхронно поклонились, сияющими улыбками демонстрируя аудитории удовольствие и благодарность за столь высокую оценку.

Флавия высвободила обе руки и снова ушла за занавес, чтобы на этот раз вывести на поклон дирижера. Он был моложе своих коллег по сцене, но также отличался завидным самообладанием. Дирижер зашагал вперед, по цветам, словно вовсе не замечая их, и обвел взглядом зрительный зал. Улыбнулся, отвесил поклон, и по его знаку оркестранты встали со своих мест, дабы принять свою долю аплодисментов. Дирижер поклонился еще раз, вернулся к актерам и встал между Флавией и тенором. Вчетвером они шагнули к рампе и поклонились — и еще раз, — все так же демонстрируя публике признательность и радость. Аплодисменты стали чуточку тише, и Флавия, уловив этот миг, жизнерадостно помахала рукой, словно собираясь сесть на корабль или поезд, и повела своих коллег-мужчин за кулисы. Зрители хлопали все слабее, и когда стало ясно, что певцы больше не выйдут, аплодисменты постепенно сошли на нет. Только одинокий мужской голос выкрикнул с балкона: *Evviva Flavia!*⁴ — восклицание, на которое остальная публика отреагировала бешеными рукоплесканиями. После этого стало тихо, слышались лишь приглушенные разговоры и невнятный шум зрителей, медленно продвигавшихся к выходу.

² О Скарпия! Нам Бог судья! (*итал.*)

³ Bravo итальянцы говорят только мужчинам. Если хотят похвалить женщину, произносят brava. (*Примеч. ред.*)

⁴ Да здравствует Флавия! (*итал.*)

2

За кулисами можно было уже не притворяться. Флавия молча повернулась и пошла к гримерным. Трое мужчин так и остались стоять. Тенор смотрел ей вслед с тем же выражением, какое было на лице у Каварадосси, когда он думал, что лучше умереть, чем навсегда лишиться возлюбленной: *Oh! dolci baci, o languide carezze!*⁵ Баритон, исполнитель роли Скарпия, уже вынул *телефони́но*⁶, чтобы позвонить жене и сказать, что через двадцать минут будет в ресторане. Дирижер, которого интересовало лишь то, чтобы Флавия выдерживала нужный темп и хорошо пела, молча кивнул и направился к себе.

Идя по коридору, Флавия зацепилась каблуком за подол своего алого платья и упала бы, если бы не ухватилась за помощницу костюмера. Девушка оказалась на удивление сильной и сообразительной: моментально схватила певицу в объятия и, несмотря на ее вес и силу толчка, смогла удержаться на ногах.

Едва восстановив равновесие, Флавия высвободилась и спросила у нее:

— Вы в порядке?

— Ничего страшного, синьора, — ответила девушка, потирая ноющее плечо.

Флавия коснулась ее руки.

— Спасибо, что не дали мне упасть, — сказала она.

— Сама не знаю, как это получилось. Я просто подхватила вас. — И после недолгой паузы девушка добавила: — Одного падения за вечер вполне достаточно, верно?

Певица кивнула, еще раз поблагодарила ее и пошла дальше. Подойдя к гримерной, Флавия взялась за дверную ручку и замерла. Женщина слегка подрагивала — запоздалая реакция на падение плюс привычный всплеск адреналина после выступления. Чувствуя легкое головокружение, Флавия свободной рукой взялась за дверной косяк и закрыла глаза. Прошла минута, другая... Наконец голоса в глубине коридора заставили ее собраться с силами, открыть дверь в гримерную и войти.

Розы, розы, розы... Они были повсюду. Флавия задохнулась от изумления. Столы были заставлены вазами, в каждой — не меньше

дюжины цветов. Певица вошла в комнату и закрыла за собой дверь. Немного постояла, разглядывая это желтое море. Ощущение смутной тревоги усилилось, стоило Флавии заметить, что вазы — не привычный ширпотреб, который держат в театрах специально для таких вот целей, со сколами, часто испачканный краской. Иногда вазы приносили даже из реквизитной, и, судя по виду, там их использовали для других, менее эстетичных целей.

— *Oddio*⁷, — пробормотала Флавия, возвращаясь в коридор, благо дверь была открыта.

Слева стояла ее костюмерша — темноволосая женщина, годящаяся в матери девчужке-ассистентке, которая уберегла певицу от падения. Как обычно, она пришла после представления, чтобы забрать сценический костюм и парик и отнести все это в костюмерную.

— Марина, — обратилась к ней Флавия, — вы не видели, кто принес эти цветы?

Певица махнула рукой в сторону комнаты и отступила, пропуская костюмершу внутрь.

— *Oh, che belle!*⁸ — воскликнула Марина при виде цветов. — И стояли они, наверное, немало.

Тут она тоже обратила внимание на вазы и спросила:

— А это откуда?

— Разве эти вазы не из театра?

Костюмерша покачала головой.

— Нет. Откуда бы им тут взяться? Это же настоящее муранское стекло! — Видя недоумение Флавии, она указала на высокую вазу, прозрачные полосы на которой перемежались цветными. — Вон та — точно «Венини»⁹. Мой Лу'чо когда-то работал у них, поэтому я знаю, как выглядит их продукция.

— Не понимаю, — проговорила Флавия, удивляясь про себя тому, как внезапно изменилась тема разговора. Она повернулась к Марине спиной и попросила: — Можете расстегнуть змейку?

Певица подняла руки, и костюмерша помогла ей сначала разуться, а потом и снять сценический костюм. Сдернув со спинки стула халатик, Флавия накинула его на себя, села перед зеркалом и почти машинально стала стирать толстый слой грима. Марина повесила платье на дверь и встала у певицы за спиной, чтобы помочь ей

избавиться от парика. Просунув под него пальцы, костюмерша сняла парик, а следом за ним и туго сидящую резиновую шапочку. Флавия тут же запустила пальцы в волосы и минуту, не меньше, растирала кожу головы, вздыхая от облегчения и удовольствия.

— Все артисты говорят, что парики — это самое ужасное, — сказала Марина. — Не представляю, как вы это терпите!

Флавия еще несколько раз провела растопыренными пальцами по волосам, зная, что в жарко натопленной комнате они быстро высохнут. Она носила короткую стрижку, «под мальчика», — одна из причин, по которой ее так редко узнавали на улицах. Почитатели привыкли видеть Флавию на сцене длинноволосой красавицей, а тут — женщина с шапкой коротких кудрей, в которых кое-где блестит седина... Чтобы волосы поскорее высохли, певица еще энергичнее потерла кожу головы, наслаждаясь тем, что ее ничего не сдавливает.

Зазвонил телефон. Она с легким недовольством взяла трубку:

— Флавия Петрелли слушает!

— Синьора, не могли бы вы уточнить, как скоро вы выйдете? — спросил мужской голос.

— Через пять минут!

Флавия всегда так отвечала, независимо от того, стояла ли уже на пороге или собиралась провести в костюмерной еще полчаса.

Подождут!

— Дарио, кто принес цветы? — спросила певица, прежде чем мужчина успел нажать на отбой.

— Их привезли на лодке.

Гм... Это Венеция, и иной способ доставки был маловероятен, поэтому Флавия поинтересовалась только:

— Известно, кто их прислал? Чья это была лодка?

— Понятия не имею, синьора! Двое мужчин доставили цветы к входу. — И после краткого раздумья Дарио добавил: — Лодки я не видел.

— Они не называли каких-нибудь имен?

— Нет, синьора. Я подумал... если роз так много, вы наверняка знаете, от кого они.

Оставив последнюю реплику без ответа, Флавия повторила: «Еще пять минут!» — и повесила трубку. Марина уже ушла, забрав с собой

парик и платье. Флавия осталась сидеть в тишине и одиночестве гримерной.

Посмотрев в зеркало на свое отражение, она схватила сразу несколько салфеток. Певица терла лицо до тех пор, пока с него не сошел почти весь грим. Потом вспомнила, что у выхода ее ждут, подкрасила ресницы и положила под глаза немного консилера, чтобы скрыть следы усталости. Выбрала из множества помад на столике одну и аккуратно накрасила губы. На Флавию накатила волна усталости, и женщина смежила веки, ожидая, когда прихлынет адреналин и она почувствует себя лучше. Вскоре певица открыла глаза, посмотрела, что лежит на столике, достала из ящика хлопчатобумажную сумку и смахнула туда свои вещи: косметику, гребешок, щетку для волос, носовой платок. С некоторых пор Флавия перестала брать с собой на работу мало-мальски ценные предметы — и не важно, о каком театре шла речь. В Ковент-Гардене у нее однажды украли пальто; в Опере Гарнье — записную книжку. Причем из сумочки, которую она оставила в ящике стола, больше ничего не пропало. Ну кому могла понадобиться ее личная записная книжка? В ней же сам черт не разберется! За долгие годы там накопилось множество пометок — с исправлениями, зачеркиваниями и сокращениями: неоднократно переписанные имена, телефонные номера, адреса — городские и электронные, — позволявшие оставаться на связи с другими представителями этого своеобразного профессионального мирка, не имеющего четких географических границ. Хорошо, что почти все эти данные хранились также и в электронном виде, но на то, чтобы восстановить утерянное, ушли недели. Так и не подобрав новой записной книжки по вкусу, Флавия решила довериться компьютеру. Оставалось молиться, чтобы система не дала сбой, чтобы в нее не пробрался какой-нибудь вирус и не уничтожил все это.

Сегодня всего лишь третье представление сезона, так что поклонники наверняка ее ждут... Флавия надела черные капроновые колготки, юбку и свитер, в которых пришла в театр. Обулась, достала из платяного шкафа пальто, повязала на шею шерстяной шарф — того же оттенка, что и ее сегодняшней сценический костюм. В разговоре Флавия частенько в шутку называла свои шарфы хиджабами, потому что не выходила без них из дому.

У двери певица задержалась и еще раз окинула гримерку взглядом. «Это ли успех, о котором я так мечтала?» — подумалось ей. Маленькая безликая комнатуха, которой месяц пользуется один исполнитель, месяц — другой; специальное зеркало с множеством ламп по периметру (совсем как в кино!); голый пол; маленькая ванная с душем и умывальником. Предполагается, что если тебе готовы это предоставить, то ты звезда... И раз у нее есть все это, вывод напрашивался сам собой. Но звездой Флавия себя не ощущала. Скорее женщиной слегка за сорок (как ни досадно это сознавать!), которая ужасно устала после почти трехчасовой изматывающей работы и которой теперь надо идти и улыбаться толпе незнакомцев, жаждущих с ней пообщаться, подружиться, поговорить по душам или даже — она ничему не удивится! — навязаться ей в любовники.

А чего хочет она сама? Просто пойти в ресторан, что-нибудь съесть и выпить, потом вернуться домой, позвонить детям, узнать, как у них дела, пожелать им спокойной ночи, а когда весь этот стресс, связанный с сегодняшним спектаклем, пойдет на убыль, а сама она начнет возвращаться к нормальной жизни, — лечь в кровать и очень-очень постараться уснуть. После выступлений с коллегами, с которыми Флавию связывали давнее знакомство и симпатия, они обычно отправлялись ужинать, и она с нетерпением ждала этих посиделок в ресторане, с шутками и анекдотами об импресарио, менеджерах и театральных директорах. Приятно находиться в обществе людей, вместе с которыми вы только что пережили это чудо — рождение прекрасной музыки... Но тут, в Венеции, где Флавия провела столько времени и должна была бы уже иметь больше знакомых, ей не хотелось общаться с коллегами. Баритон только и говорит что о своей славе, дирижер терпеть Флавию не может и с трудом это скрывает, а тенор, кажется, влюбился в нее, несмотря на то — и певица ничуть не кривила душой, говоря себе это! — что она не давала ему никакого повода. Он всего лишь на десять лет старше ее сына и слишком неопытен, чтобы ее заинтересовать.

Флавия встrepенулась. За размышлениями она совсем забыла о цветах. И о вазах. Интересно, человек, который прислал их, сейчас тоже в холле? Может, стоит показаться на публике хотя бы с одним букетом? «Все — к черту!» — сказала Флавия своему отражению, и оно покладисто кивнуло, соглашаясь.

Это началось два месяца назад, в Лондоне. «Свадьба Фигаро», последний спектакль... Когда Флавия впервые вышла на поклон, из зала дождем полетели желтые розы. Позднее, уже в Санкт-Петербурге, после сольного концерта сцена также была усыпана ими, но было много и других цветов. Особенно Флавии нравилось, когда зрители (преимущественно дамы), следуя русской театральной традиции, подходили к сцене и протягивали ей букеты. Приятно видеть глаза человека, который одаривает тебя цветами или говорит что-то лестное. Есть в этом нечто... душевное.

И вот теперь Венеция... Во время премьеры Флавию осыпали ливнем желтых роз, но после представления, в гримерной, не было ни одного цветочка. В отличие от сегодняшнего вечера. Ни имени, ни записки, ничего, что объясняло бы столь щедрое подношение.

Флавия нарочно тянула время. Ей не хотелось решать, что делать с цветами, не хотелось подписывать программки и перебрасываться вежливыми, ничего не значащими фразами ни с незнакомыми людьми, ни с постоянными поклонниками, которые часто бывают на ее спектаклях и вследствие этого считают себя чуть ли не ее приятелями.

Она забросила сумку на плечо, еще раз провела рукой по волосам — совсем сухие. Флавия вышла из гримерной и в конце коридора увидела костюмершу.

— Марина! — позвала ее певица.

— *Si`, Signora!*¹⁰ — ответила женщина и направилась к ней.

— Если хотите, заберите эти розы домой! И другим костюмерам передайте: пусть возьмут, кто хочет.

Марина помедлила с ответом, чем удивила Флавию. Разве итальянские женщины так уж часто получают охапки роз? Однако затем лицо костюмерши озарилось искренним удовольствием.

— Синьора, как это мило с вашей стороны! Но разве вы не возьмете хотя бы часть цветов?

И она махнула в сторону комнаты, где были сотни роз, каждая — словно маленькое яркое солнце.

На Флавию это предложение не произвело впечатления.

— Нет. Забирайте все!

— А вазы? — спросила Марина. — Не знаю, можно ли оставлять их без присмотра...

— Они не мои. Так что можете взять и их, если они вам нравятся, — ответила Флавия, мимоходом касаясь ее руки. И уже мягче добавила: — «Венини» возьмите обязательно, договорились?

И певица направилась к лифту. Внизу ее ждали поклонники.

5 Объятья, страстные лобзанья! (*итал.*) — строки из романса, исполняемого Каварадосси в третьем акте «Тоски».

6 Мобильный телефон (*итал., разг.*).

7 О боже! (*итал.*)

8 Здесь: о, какая красота! (*итал.*)

9 Итальянская стекольная фабрика, производящая продукцию класса люкс.

10 Да, синьора! (*итал.*)

3

Флавия понимала, что на переодевание у нее ушло много времени. Может, хотя бы некоторым ее поклонникам надоело ждать и они ушли? Она устала и проголодалась: пять часов в переполненном театре, среди людей — за кулисами и на сцене, не говоря уже о публике, — и теперь ей хотелось поужинать в каком-нибудь тихом ресторанчике и наконец-то остаться наедине с собой.

Выйдя из лифта, певица зашагала по длинному коридору, который вел к каморке капельдинера. Там же, в небольшом холле, Флавию обычно поджидали благодарные зрители. Когда ей оставалось пройти еще метров десять, вдруг грянули аплодисменты, и она изобразила свою самую счастливую улыбку — ту, которую нарочно приберегала для поклонников. Людей было много, и Флавия обрадовалась тому, что хотя бы попыталась скрыть утомление. Она ускорила шаг, как и полагается певице, которой не терпится пообщаться с поклонниками, выслушать их, подписать программки, поблагодарить за то, что они все-таки дождались ее.

В начале карьеры такие встречи служили для Флавии источником ликования — все эти люди ждут ее, хотят ее видеть, жаждут ее внимания, — проявлением заинтересованности и подтверждением, что зрительская похвала важна для нее. И хотя с тех пор многое изменилось, певице хватало честности признать, что она до сих пор нуждается в их одобрении. Но бога ради, если бы они говорили покороче! Опера прекрасна, ваше выступление — тоже, после чего — дружеское рукопожатие и до скорых встреч...

Ближе всех стояла супружеская чета, и Флавия узнала их. Оба постарели и за эти годы, прошедшие с их первой встречи, словно стали ниже ростом. Они жили в Милане и приезжали на многие ее спектакли, а за кулисы приходили лишь поблагодарить певицу и пожать ей руку. Много лет прошло, но Флавия до сих пор не знала их фамилии. За ними стояли еще двое ее давних знакомцев, помоложе, настроенных на более продолжительное общение. Бородач по имени Бернардо — легко запомнить, потому что оба слова начинаются на «б», — всегда нахваливал отдельную музыкальную фразу или ноту, демонстрируя этим, что разбирается в музыке не хуже Флавии. Его

спутник, Джильберто, в это время отступал в сторону, чтобы сфотографировать, как она подписывает программку, после чего тряс певице руку и благодарил в общепринятых выражениях, предоставляя Бернардо заботиться о нюансах.

Когда эти двое отошли, их место занял высокий мужчина в накинутом на плечи легком пальто. Флавия заметила, что воротник у пальто — бархатный, и попыталась вспомнить, когда видела такой в последний раз. Возможно, после премьеры или гала-концерта... Седые волосы мужчины контрастировали с загорелым лицом. Он наклонился поцеловать протянутую ему руку, сказал, что полвека назад, в Ковент-Гардене, видел в этой роли Каллас, после чего поблагодарил Флавию, не прибегая к неуместным сравнениям, — проявил деликатность, которую она не могла не оценить.

Следом за ним подошла девушка — немного за двадцать, миловидная, с каштановыми волосами и губами, накрашенными помадой, которая ей совсем не шла. Вполне возможно, что она выбрала яркий цвет специально для этой встречи, — он дисгармонировал с ее бледной кожей. Флавия ответила на рукопожатие, невольно окидывая взглядом холл: много ли еще людей ожидают ее внимания? Девушка сказала, что ей очень понравилась опера; эти простые слова были произнесены самым красивым голосом, который Флавии когда-либо доводилось слышать. Грудное роскошное контральто, глубиной и богатством резко контрастирующее с юностью девушки. Флавия испытала едва ли не чувственное удовольствие, напоминающее прикосновение к лицу кашемирового шарфа. Или чьей-то нежной руки.

— Вы певица? — невольно спросила Флавия.

— Учусь в консерватории, синьора, — сказала девушка, и этот простой ответ поразил Флавию своим звучанием; это напоминало игру на виолончели.

— Где?

— В Париже, синьора. Я на последнем курсе.

Девушка даже вспотела от волнения, но голос ее был спокоен, как боевой корабль в укрытой от ветра бухте. Пока длился этот обмен репликами, Флавия ощутила нарастающее недовольство людей, ожидавших своей очереди.

— Что ж, желаю вам удачи! — сказала она и еще раз пожала девушке руку.

Если и во время пения ее голос звучит так же (что в оперном мире случается нечасто), через пару лет это дитя окажется по эту сторону, будет общаться и шутить с благодарными поклонниками и ужинать в ресторанах с коллегами по цеху, а не дожидаться своей очереди, чтобы ненадолго приблизиться к кумиру.

Собравшись с духом, Флавия еще какое-то время пожимала руки, улыбалась, отвечала на вопросы, благодарила за комплименты и внимание, говорила о том, как ей приятно, что зрители задержались, чтобы с ней поболтать. А еще подписывала программки и компакт-диски, не забывая спросить имя человека, которому предназначался автограф. И ни разу не выказала нетерпения или нежелания выслушать рассказ своих поклонников. Такое впечатление, будто у нее на лбу написано: «Поговори со мной!» — настолько люди верят в ее заинтересованность, в то, что ей важно их выслушать. Флавия постоянно твердила себе: виртуозное владение голосом — вот что делает ее достойной их обожания и доверия. А еще — актерская игра...

Она смежила веки и провела по ним рукой, словно смахивая попавшую в глаз соринку. Моргнула раз, другой — и снова лучезарно улыбнулась толпе.

В числе тех, кто ожидал своей очереди, Флавия заметила темноволосого мужчину средних лет со спутницей. Склонив голову, он внимательно слушал ее. У женщины была яркая внешность: натуральная блондинка с четко очерченным носом, светлоглазая и, возможно, старше, чем выглядит. Она улыбалась, что бы ни сказал ее спутник, и несколько раз легонько прижалась головой к его плечу, чтобы сразу же отодвинуться и заглянуть ему в глаза. Наконец мужчина приобнял ее за плечи, притянул к себе и тут же посмотрел в начало очереди — долго ли еще ждать?

Флавия узнала его, несмотря на то что с их последней встречи прошли годы. У него в волосах прибавилось седины, лицо похудело, и от левого уголка рта вниз протянулась морщинка, которой она прежде не замечала.

— Синьора Петрелли! — обратился к Флавии юноша, каким-то образом завладевший ее рукой. — Все, что я могу сказать, — это было

чудесно! Я впервые в опере.

Она не ошиблась, он действительно покраснел при этих словах? Должно быть, признание далось мальчику тяжело.

Флавия пожала ему руку в ответ.

— Вот и славно! Начать с *Тоски* — отличная идея.

Юноша кивнул, глядя на нее широко открытыми от восхищения глазами.

— Надеюсь, вы этим не ограничитесь, — добавила Флавия.

— Нет, конечно! Я и представить не мог, что это так...

Молодой человек передернул плечами, но так и не нашел подходящих слов и снова схватил ее за руку — и на мгновение Флавия испугалась, что он поднесет ее к губам. Однако юноша разжал пальцы, сказал: «Благодарю вас!» — и ушел.

Она побеседовала еще с четырьмя поклонниками, прежде чем настал черед мужчины и его белокурой спутницы. Он подал певице руку со словами:

— Синьора, как я и говорил, нам с женой очень хотелось вас послушать! — И с улыбкой, из-за которой четче обозначились морщинки у него на лице, добавил: — Мы долго ждали, но оно того стоило!

— А я говорила, — отвечала Флавия, игнорируя комплимент и за руку здороваясь с его супругой, — что хочу пригласить вас двоих на свой спектакль. — И добавила: — Мог бы связаться со мной, и я заказала бы для вас билеты. Я же обещала!

— Очень любезно с вашей стороны, — сказала белокурая дама. — Но у моего отца *abbonamento*¹¹, и он отдал билеты нам. — И чтобы собеседница, не приведи Господь, не подумала, будто они пришли в театр только потому, что кто-то, у кого были билеты, отказался идти на спектакль, уточнила: — Мы решили, что обязательно ходим в оперу, и тут выяснилось, что у моих родителей сегодня дела.

Флавия кивнула, украдкой изучая холл — много ли еще людей? Но больше никого не было. Внезапно она растерялась. Как лучше завершить эту встречу? У нее были причины быть благодарной этому человеку, он спас ее от ужасного... Флавия не могла бы точно сказать, от чего именно, потому что его содействие было столь стремительным и результативным... Более того, он спас ее дважды, и во второй раз — не только ее, но и человека, который в то время был ей дороже всех.

После они разок встретились, чтобы выпить кофе, и он исчез из ее жизни. Или, скорее, исчезла она: ее слава росла, приглашения выступить на новой сцене не иссякали, и она без сожалений рассталась и с этим провинциальным городом, и с его еще более провинциальным театром. Новые жизненные горизонты, интересы, роли — она настолько была поглощена происходящим, что совершенно забыла об этом человеке.

— У меня столько впечатлений, — сказала блондинка. — *Тоска* не принадлежит к числу моих любимых опер, но сегодня все было... так по-настоящему, так трогательно! Теперь я понимаю, почему многие любят эту оперу. — И, обернувшись к мужу, произнесла: — И это при том, что страж порядка представлен там далеко не в лучшем виде!

— Что ты, дорогая, это просто списано с наших полицейских будней! — весело отозвался ее спутник. — Шантаж на почве секса, попытка изнасилования, убийство, злоупотребление служебным положением — в этом мы мастера. — И, уже обращаясь к Флавии, сказал: — Смотришь и понимаешь: ну просто один к одному, все как у нас!

Она рассмеялась, припоминая, что он и раньше относился к самому себе и своей профессии, как бы это сказать... не слишком серьезно. Может, пригласить их поужинать? Они составят ей приятную компанию, но для начала хорошо бы решить, хочет ли она вообще с кем-либо разговаривать... Нет, не после сегодняшнего спектакля и этих чертовых цветов!

Нерешительность Флавии не осталась незамеченной, и он принял решение за всех.

— Я знаю, куда мы сейчас отправимся, — сказал мужчина. — По домам!

Он не стал извиняться или что-либо объяснять, и Флавия это оценила.

Повисла неловкая пауза, и певица не нашла ничего лучше, чем сказать:

— Я пробуду в Венеции еще неделю или чуть дольше. Может, сходим куда-нибудь, — она намеренно использовала это «мы», — выпьем по бокальчику?

Блондинка удивила ее, спросив:

— Вы свободны в воскресенье вечером? Мы могли бы вместе поужинать.

За долгие годы Флавия выработала — и часто применяла — способ уклоняться от ответа, когда не знала, принять ли приглашение или стоит еще раз все взвесить: говорила, что ее уже куда-то позвали и она еще не приняла окончательного решения. Но тут певица вспомнила о розах и подумала, что можно будет все ему рассказать...

— Да, свободна, — последовал ответ. И чтобы они не решили, будто ей одиноко и у нее нет в Венеции друзей, добавила: — На завтрашний вечер у меня планы, а вот в воскресенье я смогу с вами встретиться.

— Вы не против, если ужин состоится в доме моих родителей? — И блондинка коротко пояснила: — На следующей неделе они отправляются в Лондон, и это наш единственный шанс увидеться с ними до отъезда.

— Не знаю, насколько это удобно — принимать приглашение от вас, если...

Флавия сделала ударение на вежливом *lei*¹², в то время как к ее мужу обращалась как к хорошему знакомому, на «ты».

— Конечно удобно! — перебила ее собеседница, не дав закончить вопрос. — Они будут очень рады! Отец — ваш давний поклонник, а мама в восторге от Виолетты в вашем исполнении!

— Что ж, тогда я с удовольствием приду, — сказала Флавия.

— Может, кто-нибудь захочет составить вам компанию... — Мужчина оставил фразу незавершенной.

— Спасибо, — мягко ответила Флавия. — Я приду одна.

Он едва заметно кивнул, давая понять, что услышал ее.

— Мои родители живут в Дорсодуро¹³, недалеко от ка̀мпо¹⁴ Сан-Барнаба, — сказала его жена и тут же перешла на менее формальное *tu*¹⁵. — Возле церкви нужно повернуть налево, потом пройти вниз по улице и перейти на другую сторону канала. Последняя дверь по левой стороне. Фамилия хозяев — Фальер!

— В котором часу? — спросила Флавия, которая уже примерно представила себе маршрут.

— К половине девятого, — ответила женщина.

Ее муж как раз достал свой *телефонино*, чтобы обменяться с певицей номерами.

— Вот и прекрасно, — проговорила Флавия, когда оба их номера были в памяти ее мобильного телефона. — Еще раз спасибо за приглашение!

Но и о цветах она не забыла.

— Мне нужно кое о чем поговорить с капельдинером.

Они еще раз пожали друг другу руки на прощанье, и Флавия Петрелли направилась к окошку капельдинера, а Паола Фальер и Гвидо Брунетти вышли на улицу.

[11](#) Абонемент (*итал.*).

[12](#) Уважительная форма обращения — на «вы».

[13](#) Один из шести исторических кварталов Венеции.

[14](#) В Венеции — открытое пространство между домами.

[15](#) Ты (*итал.*).

4

Поговорить с капельдинером не удалось — его попросту не оказалось на месте. Возможно, он совершал обход или, что вероятнее, отправился домой. Флавии хотелось подробно расспросить его, как именно были доставлены розы в ее примерную и что за люди их принесли. И от какого они флориста? Ее любимый цветочный магазин, Biancat, закрылся. Флавия узнала об этом в день приезда, когда решила купить цветы и украсить ими квартиру, и оказалось, что место лавки флориста со всем ее цветочным великолепием заняли два магазина, продающих грошовые китайские копии брендовых бумажников и дамских сумочек. Пестрые сумки в витринах напомнили Флавии дешевые конфетки, которые ее дети обожали в детстве — огненно-красные, ядовито-зеленые и другие яркие, в равной мере вульгарные цвета. Несмотря на потуги производителя, на вид все эти кошельки и сумки напоминали пластик.

Решив, что разговор с капельдинером можно отложить до завтра, Флавия пошла домой. В этот раз она остановилась в квартире на втором этаже старинного *палаццо*¹⁶, так называемом *piano nobile*¹⁷, расположенном в районе Дорсодуро, недалеко от моста Академии. С тех пор как Флавия приехала, вот уже целый месяц ее здешние коллеги только и говорили что об упадке Венеции, о том, что она постепенно превращается в эдакий адриатический Диснейленд. Днем в центре города, куда ни пойдешь, приходится протискиваться сквозь толпу; поездка в речных трамвайчиках-вапоре́тто стала делом иногда невозможным и часто — неприятным. Biancat и те свернули свой бизнес... Казалось бы — какое ей до этого дело? Флавия родом с севера Италии, не венецианка, и почему (и кому) венецианцы предпочитают продавать свое культурное наследие, ее не касается. Разве не говорится в Библии о сыне, который продал право первородства за «кушанье из чечевицы»? Эта деталь поразила маленькую Флавию, когда она впервые услышала притчу на уроке катехизиса. Кушанье из чечевицы... Только теперь она поняла, как сильно проголодалась.

В ресторане Вессафико на кампо Санто-Стефано Флавия поела пасты, почти не замечая, что кладет в рот, и выпила всего полбокала

*терольдего*¹⁸. Выпей она меньше — и ей будет трудно уснуть; больше — та же проблема... Выйдя из ресторана, Флавия перешла через мост, свернула налево, прошла по мосту через канал Сан-Вио, а там — первое здание слева. Вставить ключ в замок и войти наконец в похожий на пещеру холл *палаццо*...

Флавия постояла немного у подножия лестницы — не столько из-за усталости, сколько по привычке. После каждого спектакля, если только разница во времени не была слишком значительной, певица звонила дочке и сыну, но для этого ей нужно было немного успокоиться, «примириться» со своим сегодняшним выступлением. Она прокрутила в памяти первый акт и не нашла, к чему придраться. То же самое со вторым. В третьем акте голос тенора временами дрожал, но рассчитывать на поддержку дирижера не стоило: маэстро нелестно высказывался в адрес молодого певца, за исключением разве что его высоких нот. Сама Флавия выступила хорошо. Впрочем, ничего примечательного. Честно говоря, не самая сложная партия, и возможностей блеснуть голосом и интерпретацией у Флавию было не много. Но с этим режиссером они сотрудничали уже довольно давно; он дал ей полную свободу действий, и драматические сцены сработали в ее пользу.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ